

Видя, как Нин Цзючэнь кокетливо и нежно ластится к новоприбывшему, совершенно не похожая на свою обычную холодность, и особенно замечая их близкое взаимодействие, Цзян Жугу почему-то почувствовала, как у неё на душе скребут кошки.

Этот человек, судя по всему, и был разрекламированным парнем Нин Цзючэнь — Лун Батянь. То, как он повернулся и посмотрел на неё, вызвало откровенное отвращение: он маслянистым взглядом оглядывал её с ног до головы, воображая невесть что.

— Я тут сбила человека и привезла в больницу, а у неё из родни толком некому приглядеть. Ты же знаешь, мне нужно поддерживать свой сияющий образ круглого отличника, я не такой свободный, как ты, так что выручи, поухаживай за ней здесь какое-то время. Я нанял сиделку, так что тебе особо ничего делать и не придётся.

Цзян Жугу уже собиралась открыть рот и объяснить, что авария произошла по её собственной неосторожности и та девушка здесь ни при чем, как вдруг заметила, что Нин Цзючэнь исподтишка подмигнула ей, останавливая готовые сорваться с языка слова. Глядя на игривые ужимки Нин Цзючэнь, Цзян Жугу почувствовала в душе какое-то странное равновесие. Она не могла толком описать это ощущение — словно песчинку, попавшую в глаз, наконец вытащили, и стало невероятно легко.

Лун Батянь изначально совсем не горел желанием заниматься таким неблагодарным делом, но, вспомнив, что перед ним всё же писаная красавица, да к тому же на вид такая послушная и милая, он втайне затаил кое-какие мысли.

Последние несколько лет, будучи вынужденным считаться с помолвкой с Нин Цзючэнь и опираться на влияние ее семьи в борьбе со старшим братом, он был обязан поддерживать образ глубоко влюбленного мужчины, а потому, естественно, не мог позволить себе слишком вольных связей с другими женщинами. Нин Цзючэнь, правда, обладала несравненной красотой и искренне восхищалась им, вот только прикоснуться к ней было нельзя — консервативная семья Нин категорически запрещала ему даже думать о близости до свадьбы.

Мужчины порой существа, живущие нижней частью тела, и Лун Батянь никогда не считал это определение унижительным: в конце концов, его сокровище было таким мощным, было бы просто преступлением не использовать его как следует! Когда втайне ему нестерпимо хотелось поиграть с какой-нибудь женщиной, он украдкой сбегал в элитные, хорошо спрятанные ночные клубы и развлекался с тамошними девицами. Такие связи не привлекали лишнего внимания, и семья Нин ничего бы не узнала.

Вот только по-настоящему невинных девушек в таких местах почти не осталось — многие прошли через руки бесчисленных мужчин, там всё было настолько разболтанным, что никакого удовольствия процесс уже не приносил, да и чувств почти не осталось. Если же изредка и везло встретить новенькую, то все они были выдрессированы покорно угождать клиентам, и от такого однообразия со временем начинало тошнить.

Глядя на лежащую на больничной койке Цзян Жугу, Лун Батянь уже словно видел её,

извивающуюся под ним, очаровательную и уступчивую, с покрасневшими глазами и застенчивым видом повторяющую своё «не надо», в то время как он сам демонстрирует непревзойденную удачу.

Такой удобный случай, когда все обстоятельства сошлись воедино, было просто грехом не использовать для ухаживаний, однако Цзян Жугу оказалась крепким орешком, из-за чего Лун Батянь порой даже начинал сомневаться в собственном обаянии.

Всё потому, что первое впечатление имеет решающее значение: в оригинальном сюжете Цзян Жугу запала на Лун Батяня именно потому, что сначала оценила его учтивость, а затем прониклась глубиной его чувств, влюбившись без памяти. Даже когда он предал Нин Цзючэнь, предвзятое мнение заставляло её верить, что Лун Батянь не виноват и что любовь именно такой и должна быть.

Но сейчас всё было иначе: первое впечатление Цзян Жугу о Лун Батяне оказалось ниже плинтуса. Мало того, что у него была потрясающе притягательная девушка, он ещё при первой же встрече пялился на другую женщину добрую половину вечности. К тому же его ухаживания выглядели донельзя навязчивыми — так и лез на рожон, словно боясь, что она не заметит. Цзян Жугу просто не находила слов: как можно быть настолько бессовестным? Ты вообще помнишь, что у тебя есть девушка?

Разве они не слышали выражения «не собираешься жениться — не морочь голову»? Если не считать смазливой мордашки, Цзян Жугу совершенно не понимала, что в этом Лун Батяне вообще может нравиться. Пустой ветреник, как и большинство парней. Стоило подумать о Нин Цзючэнь, как на сердце становилось тяжело: как такая красивая и добрая девушка могла клюнуть на Лун Батяня?

Вспомнив, что она врезалась в машину Нин Цзючэнь, а та не только не стала скандалить, но ещё и заботливо подхватила её и привезла в больницу; узнав, что у неё туго с деньгами, заплатила за медицинские расходы; не дожидаясь просьб, отпросила её от занятий в колледже, да ещё и наняла сиделку и попросила парня присмотреть за ней...

Всё это глубоко тронуло Цзян Жугу, у которой никогда не было надежной опоры в жизни. Как вообще мог существовать настолько прекрасный человек? Обязательно нужно будет найти момент и предупредить её, что этот парень — полная ничтожность, нельзя позволить ей страдать!

Таким образом, Нин Цзючэнь, сама того не ведая, уже слегка потрепала нервы ничтожному мерзавцу. Истинно говорят: зла не минует кара, а кто роет яму другим — падает в неё сам.

При уровне Нин Цзючэнь учеба казалась сущим пустяком, не стоящим внимания. Тем не менее она аккуратно составила конспекты по всем предметам, чтобы потом швырнуть их Цзян Жугу для самостоятельного изучения — возиться с ней лично и тратить на это силы она вовсе не собиралась, на такие глупости у неё не было ни малейшего желания. В сюжете говорится, что главная героиня — крутая отличница; остается надеяться, что в учебе она окажется не такой

дурой, как в жизни.

Как раз недавно ей удалось наладить нужные связи со старшим братом Лун Батяня, главой Семьи Лун Лун Чжэньтянем, так что пора было навестить и самого Лун Батяня. Посмотрим, сумеет ли он выжить после моих игр. Заодно стоит проверить, как продвигаются дела, не появилось ли у главного героя хоть каких-то чувств к героине, да и подтянуть её учебу не помешает — запущена она просто безобразно.

Когда Нин Цзючэнь появилась, Лун Батянь как раз всю разливал купленный свиной суп с ножкой. Стоит признать, полного дурака он из себя не строил: по крайней мере, сообразив по пути завернуть в лавку и прикупить бульон, он не поленился перелить его в термос и принести с гордым видом, заявляя, что этот суп специально для неё варили дома — мол, лечится то, что болит. Хлопот, конечно, чуть больше, зато какое внимание! Лун Батянь искренне верил, что его очарование и толстый кошелек способны покорить сердце любой девчонки. Однако Цзян Жугу вовсе не оценила этого. Увидев, что Нин Цзючэнь пришла навестить её, она не только обрадовалась, но и смертельно испугалась, как бы та не подумала, будто она пытается отбить её парня. На самом деле, по сравнению с твоим парнем, мне куда больше хочется отбить тебя!

— Ты пришла, — глядя на слегка изменившийся взгляд Нин Цзючэнь, в панике забормотала Цзян Жугу, сбиваясь на бессвязные оправдания. — Я правда не имею ничего общего с твоим парнем! Он так суетится вокруг меня совершенно не по моей воле, я и сама понятия не имею, что с ним такое. Пожалуйста, не сердись.

— Всё в порядке, не накручивай себя.

В том, как перепуганная Цзян Жугу пыталась оправдаться, было даже что-то по-своему милое. Нин Цзючэнь, в которой это сочеталось с её собственной холод отрешенной натуры, редкостно искренне и легко улыбнулась. Улыбка получилась необыкновенно красивой и манящей, неизвестно только, чьё сердце она при этом затронула.

— Ачэнь, послушай меня, — Лун Батянь опустил принесённые с собой вещи и подошёл, чтобы признать свою вину. Он попытался изобразить идеальную улыбку под сорок пять градусов, но вышло лишь натянутое подобие усмешки, которое напрочь испортило всю скудную привлекательность его лица, придав ему откровенно пошлый вид.

На самом деле на душе у Лун Батяня всё же было не совсем спокойно. Нин Цзючэнь и впрямь была чертовски хороша собой, а когда в ней не было ни капли жеманства, от неё исходил совершенно особенный шарм. Когда-нибудь, когда он сокрушит Семю Нин, он непременно должен будет сначала отведать эту женщину, и только потом расторгнуть помолвку. Было бы ещё лучше сделать её своей тайной любовницей, а когда она ему надоест — бросить на забаву своим подручным. Ведь радоваться в одиночку не так весело, как разделить радость с другими.

Если бы Нин Цзючэнь узнала, о чём он сейчас думает, то, пожалуй, изобрела бы для него с сотню способов пыток, не уступающих смертной казни через тысячу разрезов, и заставила бы его молить о смерти, не получая её. — Выйди со мной, — голос Нин Цзючэнь был ледяным, от

одной этой фразы могло веять могильным холодом.

Только что увидев, как Лун Батянь так усердствует перед Цзян Жугу, она почему-то вдруг забеспокоилась, что эта наивная главная героиня снова сдаст позиции. Руководствуясь правилом знаешь врага и себя — победишь в сотне битв, Нин Цзючэнь в последнее время тщательно изучила всё, что только можно было узнать, и неожиданно почувствовала к героине нечто вроде жалости. В конце концов, в романе об этом говорилось вскользь, и она не придавала значения, но сейчас перед ней были живые люди, и всю эту боль Цзян Жугу испытала на собственной шкуре.

Рано потерявшая отца Цзян Жугу с малых лет жила вдвоём с матерью, полагаясь лишь друг на друга. Как же сироте и одинокой вдове, жившим среди стаи хищных волков и тигров, было не терпеть издевательства и притеснения?

В документах, которые она читала в машине по дороге сюда, в мельчайших подробностях описывался один случай из детства Цзян Жугу, когда та подралась с кем-то. Вспомнив тогдашние грубые движения водителя, от которых у неё на глазах выступили слёзы, но она всё равно не жаловалась и не кричала от боли, Нин Цзючэнь почувствовала, как её сердце пронзила густая, щемящая боль.

Тогда Цзян Жугу ещё не умела так искусно скрывать свои эмоции, как сейчас. Услышав, как одноклассник насмехается над ней, называя бастардом без отца, она бросилась в драку. Из-за недоедания худенькая и хрупкая, она совсем не умела драться. Однако благодаря своему отчаянному упорству, пусть даже на её теле и остались синяки, она не позволила противнику легко отделаться и заставила его пустить кровь из носа.

Но ошибка была именно в этом. Возвращаясь домой, она боялась расстроить мать, поэтому ничего ей не сказала. Когда она носила воду, чайник в её руках всё время дрожал. Мать спросила, что случилось, а когда та пожаловалась на боль в руке, соврала, что просто неаккуратно упала. Позже родители того парня стали давить на школу, требуя исключить её, и только тогда мать узнала, что она подралась с кем-то.

В тот день в кабинете директора мать велела ей встать на колени и признать вину, но она упрямо отказывалась и ничего не объясняла. Тогда мать опустилась на колени вместо неё, стала просить прощения и говорить, что ребёнок ещё неразумен, а мужа она потеряла рано и не смогла должным образом воспитать дочь. В тот миг Цзян Жугу почувствовала, что сразу повзрослела: она помогла матери вытереть слёзы и тоже опустилась на колени, признавая вину, только после этого ей позволили продолжить учёбу в школе.

Вечером дома мать заставила её встать на колени перед портретом отца для размышлений и случайно заметила у неё синяки. Когда с неё сняли одежду, оказалось, что всё тело покрыто ранами. Мать принялась расспрашивать, почему та подралась, но ответа так и не добилась. Пока мать со слезами на глазах смазывала ей раны лекарством, Цзян Жугу обняла её и сквозь слёзы произнесла: Я всё тебе расскажу, только не плачь. Сегодня он обзывал меня безродной собачьей сучкой, вот я и полезла с ним в драку.

Видимо, тревоги и горе подорвали здоровье — мать прожила не так долго и вскоре скончалась, оставив её сиротой всего в десяток с небольшим лет. Уважаемые люди в деревне поручили её воспитание дяде и тётё, да и односельчане жалели девочку, часто принося ей еду, питье, одежду и всякие мелочи. В каком-то смысле можно сказать, что она росла на миру.

Хотя дядя с тётёй не сказать чтобы сильно её притесняли, но и заботы не проявляли — жизнь на чужбине никогда не была лёгкой. У них был собственный сын, её двоюродный брат, так что предпочтение всегда отдавалось ему.

После окончания средней школы дядя с тётёй вообще не собирались давать ей учиться дальше: зачем девочке столько знаний, ведь выйдя замуж, она всё равно станет чужим человеком, лучше уж сберечь деньги на её обучение и оставить их кузену на будущую женитьбу.

Благодаря её отличной успеваемости Вторая средняя школа согласилась принять её без платы за обучение, да и односельчане принялись уговаривать родственников, так что дядя с тётёй неохотно отпустили эту бесплатную рабочую силу учиться. Деньги на жизнь она зарабатывала сама во время зимних и летних каникул: раздавала листовки, расклеивала плакаты, продавала завтраки, мыла чашки и тарелки в ресторанах — бралась за любую работу, которая приносила хоть какой-то доход.

Но даже от заработанных денег дядя с тётёй отбирали половину, чтобы купить еду и одежду их сыну. Около двух тысяч юаней — вот и все её деньги на жизнь на целый семестр, а в общежитие она переселилась лишь за тем, чтобы выкроить для себя хоть немного свободы.

Спеша на подработки туда и обратно, она жалела денег на автобус и везде ходила пешком. Однажды утром она опоздала на работу по продаже завтраков и хозяин отчитал её на чём свет стоит. Только тогда она решилась, скрипя сердцем отжала сотню с лишним юаней и купила поддержанный велосипед, кто же знал, что в первый же день занятий она врежется в машину Нин Цзючэнь и тот развалится на части.

<http://bllate.org/book/21621/2230348>